

Valérie Tong Cuong

Валери Тонг Куонг

Валери Тонг Куонг

Простишь –
не простишь

Москва
2016

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т57

Valérie Tong Cuong

PARDONNABLE, IMPARDONNABLE

Copyright © 2014 by Editions JC Lattès

Перевод с французского *Е. Кожевниковой*

Художественное оформление *В. Терещенко*

Тонг Куонг, Валери.

Т57 Простишь — не простишь / Валери Тонг Куонг ; [пер. с фр. Е. Л. Кожевниковой]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Счастье жить. Проза Валери Тонг Куонг).

ISBN 978-5-699-85889-7

Если из карточного домика вытащить одну карту, все сооружение немедленно рассыплется.

Налаженная и благополучная жизнь семьи Селесты и Лино разрушилась подобно карточному домику, когда случилось несчастье — их сын Мило упал, катаясь на велосипеде, его жизнь оказалась под угрозой. И тут же на поверхность выплыли десятилетиями скрываемые страшные семейные тайны, а главное — выяснилось, что благополучие семьи было лишь внешним. У всех — и у родителей Мило, и у его бабушки, и у тети, младшей сестры Селесты, — накопилось множество претензий и обид друг к другу.

Простить трудно. Но и жить в ненависти невозможно. Как разорвать этот порочный круг? Ответ на этот вопрос предстоит найти каждому из героев.

**УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44**

© Кожевникова Е., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-85889-7

.....Эрику...

Как получить прощение, если лжешь и другой не знает, что ты виноват перед ним? Нужно хотя бы раз перед смертью сказать правду или так и умереть не прощенным. Но уходить один на один со своими грехами и ложью... Нет одиночества безнадежней.

Альбер Камю.
Дневники, III

Я всегда хотел быть негодяем, которому на все наплевать с высокой горы, но если вы не негодяй, то тут-то вы и начинаете чувствовать себя негодяем, потому что настоящие негодяи вообще ничего не чувствуют. Из чего выходит, что единственный способ не чувствовать себя негодяем — это стать им....

Если есть что-то непростительное на свете, так это неумение прощать.

Эмиль Ажар (Ромен Гари).
Страхи царя Соломона¹

---

¹ Перевод Л. Лунгиной.

Она обернулась к нему, улыбнулась, затем набрала в легкие побольше воздуха, торжественно приготовилась к старту. Наклонилась вперед, поставила ногу на педаль. Внимание, марш!

Нет, отбой.

— Погоди-ка, — нахмурилась она.

Слезла с седла, расправила нарядное платье в красно-белую клетку, аккуратно подвернула подол.

— Засекай время, как только я нажму на педаль, идет?

Он кивнул и впился взглядом в волшебный циферблат.

Кругом до самого горизонта — холмы, покрытые лоскутным одеялом пашен. Кукуруза вымахала выше человеческого роста, подсолнухи обуглились на солнце. Дня через три-четыре полчища тракторов жестоко их сомнут, вырвут с корнем, перемелют, истолкут стебли, взроют землю.

— Пять, четыре, три, два, один, — отчеканил Мило сурово.

Маргерит умчалась.

Он и глазом не моргнул, как она исчезла.

Неподалеку внизу чернел лесок, проселок прятался в нем, а потом выныривал вновь и петлял по холмам то на виду, то теряясь среди полей.

Мальчику не нравилось, что Маргерит не видно и не слышно. Он почувствовал себя совсем маленьким, одиноким, беззащитным в огромном застывшем безмолвном мире.

Но вот и она, красно-белое пятнышко на сером шнурке дороги.

— Две минуты сорок шесть секунд! — радостно крикнул он, как будто Маргерит могла его услышать.

Зря старался, она слишком далеко.

Вон машет ему: «Давай, Мило, съезжай, теперь твоя очередь!»

Он оседлал велосипед, небесно-голубой с белыми звездами на раме, весь напрягся, налег на руль, шепнул себе: «Вперед, приятель, еще посмотрим, кто кого!»

Стиснув зубы, он жал на педали что есть мочи, весь взмок, а по щекам хлестал ветер, и слепило солнце. Мило не мечтал о победе, не думал побить рекорд. Его опьянила скорость. Он летел вниз по узенькому проселку вне себя от счастья, легкости, веселья. Ошалев, расхохотался во все горло за секунду до катастрофы...

Внезапно мир разлетелся на куски.

День гнева

СЕЛЕСТА

Сыну грозила беда, а я не сумела его спасти...

Тупо сидела между Лино и матушкой в тесной душной комнате с противными красно-коричневыми обоями и слушала нотариуса. Тот разливался соловьем: подписывая дарственную, мадам проявляет щедрость, великодушие, бескорыстие, но, быть может, поступает неосмотрительно; его долг предупредить ее, удержать от преждевременного опрометчивого шага, ведь последствия необратимы; у мадам еще вся жизнь впереди, так что не стоит лишаться собственности, во всем себя ограничивать; впрочем, если вы приняли решение окончательно и бесповоротно, если вы уверены, что...

От уверенности не осталось и следа. Меня будто на казнь вели, я обреченно уставилась на ручку, которую вот-вот протянет мне нотариус, чтобы и я поставила подпись. Но кому какое

дело до моих опасений и угрызений? Не Лино, уж точно, ведь я сама его с величайшим трудом убедила, что мамина дарственная — безусловное благо для нас. И не маме моей, она искренне радовалась, передавая мне все имущество. И не Маргерит. О ней и речи не шло, она вообще ничего не знала. Мама настаивала, чтобы мы держали все в строжайшей тайне. «Это мой дом и мой выбор. Ее дело — сторона. Когда придет время, я сама ей скажу».

Так и оставили Маргерит *в стороне*. А в результате, пока мы подписывали проклятую дарственную под присмотром усердного нотариуса в темной комнатухе, задыхаясь от запаха плесени, снаружи на ярком солнце мой сын скатился по проселку вниз и замер, бездыханный, скорченный, у ног тетки...

Я узнала первая. На лестнице включила мобильный и сразу же испугалась, увидев столько пропущенных вызовов. Ухватилась за перила и замерла.

— Что случилось? — встревожился Лино. — Что-нибудь с Маргерит? С Мило?

У меня дрожали руки, я все время нажимала не то. Понимала уже, что мир рухнул.

Мы их оставили дома вместе, Мило должен был делать уроки. Когда мы с мамой и Лино дружно солгали, будто поедем покупать новую плитку для бассейна — мол, это дело долгое и муторное, — Маргерит вызвалась с ним посидеть. Я охотно согласилась.

— Но при условии, что Мило все сделает сам, а ты, Марго, не станешь ему подсказывать. Знаю я вас, хитрюги!

Хитрюги подмигнули друг другу, я сделала вид, что ничего не заметила. Их вечная верная дружба умиляла меня и радовала.

Голосовое сообщение то и дело прерывалось, трудно было его расслышать и понять. Маргерит рыдала. Значит, случилось что-то ужасное. Она твердила: «Несчастье. Несчастье. Приезжайте в больницу».

Я бы упала, если б Лино не подхватил меня. «Несчастье. Несчастье. Приезжайте в больницу», — повторяла я снова и снова. Пять, десять, двадцать раз. Муж терпеливо слушал, он и сам окаменел. Пять, десять, двадцать раз. Наконец он пришел в себя, взглянул с пониманием, вывел на палящее безжалостное солнце, усадил в машину и повез. Мама в тревоге не умолкала: «Что с ним? Он отравился? Упал с лестницы? Опрокинул на себя кастрюлю с кипятком? Его ударило током? Шершень укусил?» Лино не отвечал. Она хотела знать все в точности. Но мы и сами ничего не знали. Нужно ждать, ждать, терпеливо ждать. Мобильный Маргерит сейчас выключен, до больницы еще километров тридцать — целая вечность. Вечность, заполненная всего одним именем. Четыре буквы. Мило. Ничего больше нет в моем воспаленном, добела раскаленном, опустевшем мозгу. Страх и ярость вымели все остальное. Сер-

дце заходило от боли. Господи, только не это, не надо опять, я не вынесу, я не готова!

Мы добрались до больницы ровно в час дня. Она находилась на самой вершине холма, возвышалась над другими домами. Пока мы ехали, я впервые заметила отвратительную черную копоть на всех фасадах. И вдруг подумала: «Воздух и здесь загрязнен, отравлен. Вредные вещества проникают повсюду, все разъедают, засоряют, портят. Ничего себе, отдых за городом! Сплошной обман. Здоровье здесь не поправишь, и пока не дождешься».

Лино припарковался у самого входа, мама мгновенно выскочила из машины, хлопнув дверцей, а я так и осталась внутри, вжалась в сиденье и не шевелилась. Знаю-знаю, во всех фильмах, книгах, кошмарных снах героини бегут со всех ног, бесцеремонно расталкивают встречных, бросаются к первому же белому халату и требуют ответа, настойчиво, упорно, властно. Мне же хотелось забиться в угол и не вылезать до конца времен, как будто можно спрятаться от беды, сделать вид, что ее и не было!

Только не это. Не надо опять.

Мы через такое уже прошли, хватит!

— Селеста, милая, пойдем, — ласково прошептал муж. — Пойдем, мы должны узнать, что с ним.

По глазам видно, в нем боролись два побуждения: с одной стороны, он искренне хотел мне помочь, помнил о моей незаживающей ране, боялся, что мина замедленного действия взорвется, с другой — стремился к сыну, чтобы встретить

опасность лицом к лицу, оценить, насколько она велика, и найти способ преодолеть ее, побороть. Лино — человек решительный, деятельный.

Я с трудом заставила себя выползти наружу. Мама сейчас же подошла, взяла меня за руку, принялась успокаивать.

— Тише-тише, все обойдется, вот увидишь, — уверяла она. — Сегодня такой знаменательный день! С Мило не может случиться ничего плохого. Твоя сестра вечно сеет панику, делает из мухи слона. Ты напрасно волнуешься. Сейчас окажется, что он просто вывихнул запястье или упал и рассек себе бровь.

Я немного приободрилась. В самом деле, прошлой зимой Маргерит напугала нас не на шутку, сообщив, будто у нее рак мозга. Она вправду страдала мигренями, однако никакой опухоли врачи не обнаружили — повышенное внутричерепное давление, только и всего. Тут с мамой трудно не согласиться: рассказами о неизлечимой болезни Марго добилась всеобщего внимания и заодно выклянчила у Лино квартиру на седьмом этаже. Двадцать квадратных метров, две отдельные комнаты. Муж привык там уединяться и отдал ее скрепя сердце. Но разве откажешь смертельно больной свояченице, которую вышвырнула на улицу вздорная злая хозяйка?!

Никогда не забуду, как Лино с тяжелым вздохом протянул мне ключи. Пожертвовал собой ради меня, распростился с любимым убежищем, где мог прятаться хоть всю ночь напролет. Из любви ко мне он способен на что угодно!

И ни слова упрека. Вот так же безропотно всегда терпел моих назойливых мать и сестру. При мысли о его безграничной преданности я чуть не заплакала. Какое счастье, что мы с ним встретились! Мне исключительно повезло.

В холле нас ждала Маргерит. Высокая, стройная, она резко выделялась в толпе пациентов, посетителей, медсестер. Ее нельзя не заметить. Эффектное платье в красно-белую клетку, густые кудри, изящные тонкие руки — не чета моим налитым, полным. Марго напоминала яркую испуганную бабочку, невесть как залетевшую сюда. Заметив меня, подбежала, причитая и всхлипывая:

— Мне так жаль, мне так жаль... Селеста, прости...

Затем принялась сбивчиво объяснять: «Мило упал с велосипеда... А тут пожарные... Они его отвезли в больницу. У него голова разбита. Он без сознания. В коме».

В коме! Вот тебе и ложная тревога, вывих запястья, рассеченная бровь!

От боли у меня внутри все как будто расстрескалось. Хотелось выть, орать, очнуться, нет, наоборот, забыться. Но в горле ком, ни звука не выдавишь, не выдохнешь, не вздохнешь. То мучительная ясность, то полнейший туман. Мама, вне себя от горя, ругала Марго на чем свет стоит: «Дура! Дрянь! Идиотка! От тебя одни беды!» Лино крепко схватил меня за руку. И мы понеслись что есть духу по каким-то коридорам, поднялись на лифте. Еще коридор, пол скошен, пло-

щадка, снова лифт, едем вверх, вновь спускаемся вниз и опять наверх. В висках стучит. В ушах отдается скрежет, скрип инвалидных колясок и каталок. В глазах рябит от линючих пластмассовых стульев и увядших цветов. Встречные смущенно отводят взгляд. Указатели сбивают с толку.

Вот, наконец, большие застекленные двери. К нам вышла женщина в широкой длинной бирюзовой блузе. К груди она прижимала папку, словно хотела заслониться ею от злой вести, которую нам несла. Старалась говорить как можно ласковее, но такт и участие не меняли сути, смысла сказанного. Позади нее, совсем рядом, за дверями, в зеленоватом боксе неподвижно лежал мой сын. Ему сделали операцию, вскрыли черепную коробку, однако он по-прежнему находился в коме.

— Мадам, мсье, спешу вас заверить, что Мило не страдает. Врачи утверждают это с полной ответственностью. Он подключен к аппаратам жизнеобеспечения, мы пристально следим за его состоянием.

За малых детей нас держат. Сказки рассказывают: «Спешу вас заверить, что Мило не страдает». Но обмана я не заметила, мне было не до того. Ужас вымораживал: неужели его у меня отнимут, вырвут из рук?! Не заставляйте меня еще раз понапрасну надеяться, мечтать, заботиться, ухаживать, лелеять, чтобы потом остаться ни с чем! Уважаемые врачи, понимаете ли вы, что сил никаких не осталось, все вышли? Я больше так не могу, я взорвусь, все разрушу и себя не пожалею...

Нет, где уж вам понять!